

РОЛЬ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ*

Фаузер В.В., д.э.н., Лыткина Т.С., к.соц.н., Фаузер Г.Н.

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар*

На протяжении веков северные регионы России были практически безлюдны. Примером тому может служить Республика Коми. По данным переписей населения в 1897 г. в Коми проживало 170,7 тыс., в 1920 г. – 179,8 и в 1926 г. – 225,6 тыс. человек. В 1926 г. на городское население приходилось всего 4,4%, а средняя плотность составляла 0,5 человека на кв. км. Аналогичная картина была и в других северных территориях. Малочисленность местного населения ограничивала возможности освоения Севера собственными силами.

По мнению историков, Север в период начала XX в. был призван решать не только экономические, но и политические задачи³⁴⁷. Не вдаваясь в подробности, отметим, что проблема недостатка трудовых ресурсов была решена за счет политики принудительной миграции, за счет создания сети исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Такая практика «гулаговской экономики» просуществовала до конца 1950-х годов.³⁴⁸

Можно назвать ряд причин, по которым государство вынуждено было использовать «внеэкономическое принуждение». Во-первых, 21 декабря 1921 г. Совет Народных Комиссаров принимает план ГОЭЛРО, рассчитанный на 10-15 лет. Он был призван решить ряд важнейших задач: электрификацию всей страны, создание крупной индустрии, в первую очередь – тяжелой промышленности, рациональное размещение производительных сил по территории страны. Во-вторых, объявленная индустриализация на период с 1928 по 1941 г. (прервана войной). Для выполнения этих планов было невозможно без перемещения массы людей по огромной территории страны сформировать кадры на промышленных стройках. В-третьих, коллективизация сельского хозяйства, начатая в декабре 1927 г., рассчитанная на пять-шесть лет, дала ГУЛАГу дешевую рабочую силу (раскулаченных крестьян).

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Факторы и механизмы взаимовлияния миграционных процессов и динамики социально-экономического развития арктических регионов России» (№18-010-00509, 2018-2020 гг.).

³⁴⁷ Кириллов В.М. История репрессий и правозащитное движение в России. Екатеринбург. 1999.

³⁴⁸ Лыткина Т.С., Фаузер В.В. Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930-1950-е гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Том XIX. № 1 (84). С. 90-109; Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). 2015. № 3. С. 151-168; Фаузер В.В., Лыткина Т.С. Принудительные миграции советского периода: хронология и масштабы // Демографические процессы на постсоветском пространстве. Том I. Екатеринбург, 2015. С. 124-131.

Коми республика становится местом, где наиболее полно нашли применение гулаговские методы индустриализации края. В 1921 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение организовать концентрационный лагерь на реке Ухта на 10-20 тыс. человек³⁴⁹. С этого момента начинается история ссылки в Коми неугодных власти элементов, новая эпоха формирования трудовых ресурсов через принудительную миграцию в различных ее формах. В 1929 г. в Коми республику поступают первые партии заключенных, которые должны были развивать угольный, нефтяной комплексы и железнодорожное строительство.

С принятием политического решения о переходе к системе ИТЛ их число стало быстро расти. Если в 1932 г. в СССР функционировали 11 лагерей ГУЛАГа, то в середине 1937 г. – 18. Вместе с тем возрастала и численность содержащихся в них заключенных: в 1930 г. – 179 тыс., в 1931 г. – 212 тыс., в 1932 г. – 268,7 тыс., в 1933 г. – 334,3 тыс., в 1934 г. – 510,3 тыс., 1935 г. – 725,5 тыс., в 1936 г. – 839,4 тыс., в 1937 г. – 820,9 тыс. человек (данные на 1 января каждого года)³⁵⁰.

В иностранных источниках эти цифры значительно завышены. Так, в 1952 г. был опубликован официальный доклад Госдепартамента США о принудительном труде в Советском Союзе. В нем подчеркивалось, что точная цифра советских заключенных в лагерях ГУЛАГа не может быть названа из-за отсутствия официальных данных, но цифры оценок, приводимых различными экспертами, колеблются от 2 до 20 млн. человек³⁵¹. Похожие цифры были повторены в докладе Госдепартамента в 1960 г., где отмечалось, что оценки западными исследователями количества заключенных в предвоенном СССР колеблются от 3,3 млн. до 13,5 млн. человек и выше³⁵².

Первыми «вынужденными мигрантами» стали «раскулаченные крестьяне». Массовая депортация крестьян на Север и Восток страны свидетельствовала о трансформации переселенческой политики государства. Сталинское руководство, отказавшись от традиционной, основанной на принципе добровольности, политики переселения и колонизации неосвоенных территорий, с весны 1930 г. перешло к спецколонизации, выразившейся в принудительном переселении различных «наказанных» властью категорий людей в периферийные, предназначенные для хозяйственного освоения, регионы. Система физического и психологического террора осуществлялась партией и секретной полицией не только против

---

³⁴⁹ Идущие впереди. Геологическая служба Республики Коми: история и современность. Сыктывкар, 2014. С. 41.

³⁵⁰ Земсков В.Н. Заключенные в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 54, 57.

³⁵¹ US State Department. A Red Paper on Forced Labour. Washington, 1952. Книга была также опубликована под названием Forced Labour in the Soviet Union. Washington, 1952. p. 4.

³⁵² NARS, Dept of State Bureau of Intelligence and Research. Report №8353. Current Penal Policy in the USSR. 1960. October.

реальных врагов режима, но и против более или менее произвольно выбранных слоев населения³⁵³.

В Северном крае (до 1937 г. входили Коми АССР, Архангельская и Вологодская области) к 105832 лагерным заключенным, отбывавшим срок в Соловецком и Северных лагерях особого назначения (по состоянию на 1 июня 1930 г.), добавилось 230065 прибывших в регион в феврале-апреле 1930 г. «кулаков», что суммарно составило около 13% от численности населения края³⁵⁴.

Постановление СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколониализации в Северном и Сибирском краях и Уральской области» обязывало «максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остро нуждающихся в рабочей силе районах». При этом Северному краю уделялось особое внимание как «валютному цеху страны», располагавшемуся ближе других периферийных сырьевых регионов СССР к внешнему рынку, и обладателю первоклассного морского порта, откуда поступала за границу большая часть экспортируемого леса края. Таким образом, Центр, проводя раскулачивание и насильственную коллективизацию, добавил к заключенным спецпереселенцев, чтобы те и другие включились в единый процесс спецколониализации северных и восточных окраин СССР³⁵⁵.

На начало 1931 г. в Коми крае было уже более 40 тыс. спецпереселенцев (кулацкая ссылка). Вторым источником пополнения трудовых ресурсов стали заключенные, их численность к лету 1930 г. достигла 23 тыс. человек. Численность собственных фабрично-заводских рабочих была незначительной: 1920 г. – 609, 1924/1925 – 404 человека³⁵⁶, по переписи 1926 г. – 1225 человек.

Динамика движения работников подневольного труда зависела от специальных решений ГКО и Указов Президиума Верховного Совета СССР, а также директивных органов Коми АССР, неоднократно обращавшихся в ЦК ВКП(б), СНК СССР, другие союзные наркоматы с просьбой о дополнительных заводах рабочей силы для реализации поставленных задач. Эти задачи были сформулированы в таких документах, как постановление Президиум ВСНХ «О развитии топливной базы в Северном крае» (20 апреля 1931 г.), развернутое постановление Совета Труда и Оборона (СТО) «О развитии каменноугольной промышленности

---

³⁵³ Friedrich C. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. 2d ed. / Rev. by Carl J. Friedrich / C. Friedrich, Z. Brzezinski. Cambridge, 1965. p. 22.

³⁵⁴ Упадшее Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, функционирование, распад (1929-1960 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Архангельск, 2009. С. 21-22, 25-26.

³⁵⁵ Коротаев В.И. Принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 1930-е годы // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сборник научных трудов. Сыктывкар, 2005. Вып. 2. С. 64.

³⁵⁶ Турубанов А.Н., Сурков Н.И., Кировская Т.А., Максимова Л.А., Сметанин А.Ф. Индустриальное развитие Коми АО в 20-е годы // История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар, 2011. С. 334.

и о расширении геологических работ в бассейне Печоры» (27 марта 1932 г.).

Взросший поток лагерных заключенных привел к значительному расширению сети лагерей лесозаготовительного профиля, что объясняется меньшими затратами, необходимыми для их организации, и преобладанием в данной отрасли физического, неквалифицированного труда, не требовавшего специальной профессиональной подготовки. Для заготовки леса в Коми АССР создается Усть-Вымский лесозаготовительный лагерь. Вместе с тем исправительно-трудовые лагеря создавались и в других отраслях промышленности: Воркутинский, Северный железнодорожный, Северо-Печорский ИТЛ. Так, например, в 1938 г. на основе действовавшего Ухто-Печорского ИТЛ были созданы четыре самостоятельных лагеря, подчиненных ГУЛАГу: 1) Воркуто-Печорский ИТЛ (центр – г. Воркута), предназначенный для сооружения шахт, добыче угля и строительству барж; 2) Ухто-Ижемский ИТЛ (центр – пос. Чибью) – разведка и добыча нефти, газа, асфальтитов и переработка радиоактивной воды; 3) Северный железнодорожный ИТЛ (центр – пос. Княжпогост) – строительство железной дороги Котлас – Воркута; 4) Усть-Вымский лесозаготовительный ИТЛ (центр – пос. Усть-Вымь).

В ходе депортации осадников, начавшейся 10 февраля 1940 г., в Северный край было переселено 139596 человек. Наибольшее их число оказалось в Архангельской обл. – 8084 семьи, в Вологодской обл. – 1586, в Коми АССР – 2191 семья. Летом 1940 г. к ним добавились 25682 семьи (76382 человека) депортированных польских беженцев, в том числе в Архангельскую обл. – 4584 (12838), в Вологодскую обл. – 1712 (4965), в Коми АССР – 2778 семей (8985 человек). Всего за 1940 г. в Коми АССР прибыло 19388 спецпереселенцев – осадников и польских беженцев. Депортированные поляки, так же как и «бывшие кулаки», оказались не только прикрепленными к определенной территории, но использовались как дешевая рабочая сила в экономике принудительного труда.

На начало 1941 г. в Коми АССР было 11,2 тыс. ссыльных, 37,8 тыс. спецпереселенцев и 249,3 тыс. заключенных, всего – 298,3 тыс. человек подневольного труда. При этом численность населения края в 1939 г. составляла всего 320,3 тыс. человек, а занятых в народном хозяйстве – 166,4 тыс. человек, в том числе в промышленности – 37,5 тыс. человек³⁵⁷. С учетом спецпереписи НКВД суммарная численность населения Коми АССР по переписи 1939 г. составила 450,9 тыс. человек. Численность спецконтингента, прошедшего перепись по линии НКВД, составляла в Коми АССР 131930 человек, из них 126448 относились к заключенным. По данным историка В. Земскова, численность населения трудпоселков 20271 человек. Таким образом, численность заключенных и спецпересе-

---

³⁵⁷ Турубанов А.Н., Игнатова Н.М., Максимова Л.А., Рогачев М.Б., Сурков Н.И., Сметанин А.Ф. Индустриальный прогресс в Коми АССР // История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар, 2011. С. 389.

ленцев на момент проведения переписи составляла в республике 146719 человек, или 32,5% общей численности населения³⁵⁸.

По мере освобождения советской территории от немецко-фашистских оккупантов росла численность заключенных, осужденных как пособников фашистских оккупантов, шпионов и изменников родины. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. к данной категории применялась смертная казнь или осуждение к каторжным работам сроком от 15 до 20 лет. Вследствие этого в некоторых исправительно-трудовых лагерях, в том числе в Воркутинском ИТЛ, были организованы отделения каторжных работ. В 1944 г. в Воркутлаге содержалось 494, в 1945 г. – 9036, в 1946 г. – 18158 человек, осужденных к каторжным работам³⁵⁹.

Для военного времени было характерно свертывание лагерной системы. Если на 1 января 1941 г. в Архангельской и Вологодской областях и в Коми АССР действовали 18 исправительно-трудовых лагерей с суммарной численностью лагерных заключенных более 300 тыс. человек, то на 1 января 1946 г. продолжали функционировать 11 ИТЛ, в которых содержалось около 162 тыс. человек. Необходимость мобилизации материальных и людских ресурсов на обеспечение нужд фронта вынудила государство отказаться от многих проектов, выполняемых лагерями. Одновременно с этим основные людские и финансово-материальные ресурсы наркомата были направлены на реализацию приоритетных проектов, в числе которых оказались Строительство № 203 (Ягринлаг), Воркутстрой, Ухтоижемлаг, Архбумлаг, строительство железнодорожной магистрали Коноша-Воркута (Севдвинлаг, Севжелдорлаг, Севпечлаг), железной дороги Воркута-Хабарово (Заполярный ИТЛ). Однако в Коми АССР продолжала функционировать обширная сеть исправительно-трудовых лагерей. В основном это были лагеря, выполнявшие работы долговременного характера: угледобыча (Воркутлаг), нефтедобыча (Ухтоижемлаг), лесозаготовки (Устьвымлаг), а также лагеря, задействованные на строительстве Северо-Печорской железнодорожной магистрали (Севжелдорлаг, Печорлаг). Среднесписочный состав заключенных, спецпереселенцев и ссыльных в 1942 г. – 216,9, 1943 г. – 118,0, 1944 г. – 162,0, 1945 г. – 172,6 тыс. человек³⁶⁰.

В послевоенный период меняется картина расселения спецпереселенцев. Они жили не только в спецпоселках, но и в селах, при сплавных участках, различных заводах, подсобных предприятиях, на лесозаготовках. В конце 1930-х годов спецпереселенцы в Коми АССР проживали в 36 спецпоселках, в начале 1940-х годов – в 92 спец- и трудпоселках, в

³⁵⁸ Сквозников В.Н., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). Сыктывкар, 2001. С. 78.

³⁵⁹ Упадших Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, функционирование, распад (1929-1960 гг.): Автореф. дис. ... докт. исг. наук. Архангельск, 2009. С. 32.

³⁶⁰ Турубанов А.Н., Митюшев Е.Е., Игнатова Н.М. Развитие основных отраслей промышленности и транспорта Коми АССР в годы войны // История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар, 2011. С. 443.

1950 г. населенных пунктов, где были расселены спецпереселенцы и выселенцы, было 344. Это говорит о значительном расширении использования труда спецпереселенцев и ослабление режима ограниченного поселения для высланных. В 1952 г. было учтено всего 38242 спецпереселенцев и выселенцев (в том числе детей до 16 лет – 10994 человека, 28,7% от численности). Из них 22852 на спецпоселениях (в том числе детей до 16 лет – 6862 человека, 30,0%) и 11317 – в лагерях (в том числе детей до 16 лет – 3490 человек, 30,8%). Спецпереселенцы, размещенные в лагерях республики, составляли 51,0% от общей численности спецпереселенцев в лагерях СССР. В режиме ограниченного поселения проживало 3031 ссыльнопоселенцев (в том числе детей до 16 лет – 388 человек, 12,8%) и 1042 ссыльных (в том числе детей до 16 лет – 254 человека, 24,4%)³⁶¹.

Со второй половины 1946 г. лагерная система стала вновь разрастаться. Значительный рост численности лагерного контингента стал следствием ужесточения советской карательно-репрессивной политики. С принятием 4 июня 1947 г. двух указов: «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» – увеличилось не только число осужденных за кражи и хищения, но и резко возросли применяемые за данные виды преступлений сроки наказания.

Постановлением Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. «Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытии наказания на поселение в отдаленные местности СССР» в отдаленных районах страны (Колыма, Норильск, Коми АССР, Караганда и Мордовская АССР) создавалась сеть исправительно-трудовых лагерей нового типа – особых лагерей, предназначенных для содержания особо опасных преступников.

На территории Коми АССР в 1948 г. были образованы два особых лагеря: Особый лагерь № 1, получивший условное наименование «Минеральный», и Особый лагерь № 6 («Речной»). Основным производственным профилем новообразованных лагерей стала угледобыча. Уже к 1949 г. лагерь развернули свою хозяйственную деятельность в полном объеме. В 1952 г. к ним добавился лагерь № 12 («Водораздельный»), созданный для освоения лесных массивов в районе запланированного строительства железной дороги Айкино – Кослан. Появление в Коми АССР сети особых лагерей превратило республику в одну из самых насыщенных особым контингентом территорий страны, где в общем количестве содержащихся заключенных значительный удельный вес составляли осужденные за «контрреволюционные преступления», каторжники и «уголовно-бандитствующий элемент».

---

³⁶¹ Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930-1950-е гг. Сыктывкар, 2009. С. 68, 70-72.

Из более чем 267000 заключенных СССР, отбывавших срок наказания в региональной лагерной сети (на 1 января 1953 г.), более 205000 человек (78%) находились в лагерях, дислоцировавшихся в Коми АССР. Однако в условиях разворачивавшейся НТР советская экономика все в большей степени нуждалась в свободном и высококвалифицированном труде. Руководство МВД и ГУЛАГа предпринимали попытки адаптировать лагерную экономику к новым хозяйственным условиям. Однако сделать это в рамках архаичной системы принудительного труда было невозможно. Труд заключенных, основанный на внеэкономическом принуждении, оказался плохо восприимчивым к техническому прогрессу и к новым формам хозяйствования³⁶².

Вышеприведенные данные о численности спецконтингента на территории Республики Коми для большей наглядности о масштабах принудительной миграции и численности лиц подневольного труда представлены в табличной форме (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения с учетом спецконтингента
в Республике Коми за 1929-1959 гг.³⁶³

Год	Численность населения с учетом спецконтингента, тыс. человек	Численность спецконтингента, тыс. человек	Удельный вес спецконтингента, %
1929	237,0	2,3	1,0
1930	272,5	30,9	11,3
1931	304,5	53,3	17,5
1932	326,1	68,0	20,9
1933	303,5	42,9	14,1
1934	300,2	37,9	12,6
1935	307,2	39,7	12,9
1936		42,9	
1937	315,7	51,9	16,4
1938		143,1	
1939*	450,9	146,7	32,5
1940	509,4	207,0	40,6
1941	591,4	286,0	48,4
1942	493,1	200,1	40,6
1943	372,6	104,0	27,9
1944	408,2	149,7	36,7
1945	416,0	155,3	37,3
1946	532,4	229,7	43,1
1947	572,2	250,3	43,7
1949	632,4	286,2	45,3
1950	643,7	282,9	43,9
1951	633,4	241,3	38,1
1952	691,7	268,0	38,7
1953	615,1	144,9	23,6
1955	695,6	123,4	17,7
1959	822,5	8,3	1,0

* перепись 1939 г.

³⁶² Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, функционирование, распад (1929-1960 гг.): Автореф. дисс... докт. ист. наук. Архангельск, 2009. С. 35-36.

³⁶³ Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930-1950-е гг. Сыктывкар, 2009; Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае 1929-1956. Сыктывкар, 1997. С. 181; Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). Сыктывкар, 2001. С. 78.

В послевоенный период на смену принудительным миграциям пришел организованный набор рабочей силы. В 1956-1960 гг. наблюдался пик оргнабора. За 1956-1958 гг. по организованному набору прибыло 125 тыс. человек, из них более половины (свыше 65 тыс.) поступили на предприятия угольной промышленности, и примерно одна треть – в лесные поселки (39179 человек). Оставшаяся часть рабочих поступила в другие отрасли народного хозяйства Коми АССР. Лесозаготовительные предприятия за 1956-1960 гг. приняли на работу по оргнабору около 60 тыс. рабочих. В конце исследуемого периода оргнабор в таких отраслях, как нефтяная и угольная, постепенно начал уменьшаться, и соответственно стала возрастать доля других форм комплектования кадров, в частности, прием рабочих самими предприятиями. Основными районами, откуда привлекалась рабочая сила в Коми АССР, были Архангельская, Вологодская, Ярославская, Кировская и Московская области, Краснодарский край, Белорусская ССР³⁶⁴.

Можно заключить, что основу гулаговской экономики составляло внеэкономическое принуждение, по сути неэффективное, но способное обеспечивать определенные результаты. Однако гулаговская экономика, позволявшая решать задачи экстенсивного развития, не смогла адаптироваться к новым хозяйственным условиям, требовавшим интенсификации производства. Во многом этим был обусловлен кризис ГУЛАГа и его распад.

К ИССЛЕДОВАНИЮ КАТЕГОРИИ «ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ»

Т.В. Сергневич

*Белорусский национальный технический университет,
г. Минск (Республика Беларусь)*

В научной экономической литературе категория «трудовой потенциал» употребляется довольно часто. Вместе с тем в зависимости от контекста конкретного научного исследования и методологического подхода автора оно может принимать различные значения. Распространение в литературе исследований, посвященных трудовому потенциалу, во многом обусловлено становлением кибернетики, а позже – и синергетики, методология которой используется при исследовании сложных социальных систем, в том числе в управлении названными системами, ключевой фигурой которых является человек.

Первоначально понятие «трудовой потенциал» использовалось в значении, близком к понятию «трудовые ресурсы», либо как его сино-

³⁶⁴ Турубанов А.Н., Игнатова Н.М., Светопольская В.О. Особенности решения проблемы кадров в индустриальных отраслях народного хозяйства Коми АССР во II половине 40-х – 50-е годы // История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар, 2011. С. 497-498.